

За окном сияло солнце — было уже почти полдень. Проспать в чужом доме до такого часа — Гу Хуайцину стало неловко. Он поспешно умылся, оделся и вышел.

Пройдя через восточный флигель и резные ворота во внутренний двор, он столкнулся со старшей служанкой Тао Чжи, прислуживавшей им за столом прошлым вечером.

— Господин Гу проснулся? — с улыбкой спросила Тао Чжи. — Сейчас принесу вам завтрак.

Гу Хуайцин отмахнулся:

— Не нужно, уже поздно, мне пора. Где госпожа и молодой хозяин?

Тао Чжи ответила:

— Госпожа и молодой хозяин в главном зале. Приехала сестра госпожи с племянником, сейчас беседуют.

Раз хозяева принимают гостей, Гу Хуайцин не был уверен, стоит ли им мешать. Тао Чжи, заметив его колебания, добавила:

— Молодой хозяин велел, чтобы вы, проснувшись, позавтракали и присоединились к нему. Тётушка и двоюродный брат — свои люди, не стесняйтесь.

Раз Дуань Минчэнь так распорядился, Гу Хуайцин перестал сомневаться и позволил Тао Чжи проводить себя в гостиную. Не успел он переступить порог, как услышал смех и оживлённые голоса, среди которых выделялся юношеский, без умолку тараторивший.

Тао Чжи приподняла бисерную занавеску, и Гу Хуайцин вошёл. Его взгляд сразу упал на прекрасную даму и красивого юношу.

Дама была похожа на госпожу Дуань, но статнее, что выдавало в ней знатную матрону. Рядом с ней сидел юноша в белом прямом халате, с парой нефритовых карпов на поясе. Ему на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, глаза — тёмные и блестящие, черты лица — живые и выразительные.

Увидев Гу Хуайцина, Дуань Минчэнь тут же с улыбкой подошёл и представил ему гостей.

Прекрасная дама оказалась родной младшей сестрой госпожи Дуань. Её супруг занимал должность левого советника в Управлении передач. Юноша же был её сыном, двоюродным братом Дуань Минчэня, и звали его Фан Цзя.

Гу Хуайцин ещё не успел раскрыть рот, как Фан Цзя, без тени смущения, ухватил его за рукав и радостно воскликнул:

— Я знаю, кто вы! Кузен рассказывал мне о вас. Вы же тот самый знаменитый господин Гу из Восточной Ограды!

Госпожа Фан Юнь поспешно одёрнула его:

— Как ведёшь себя? Немедленно поприветствуй господина Гу как положено!

Госпожа Дуань с улыбкой вмешалась:

— Все молодые, зачем так строго? Хуайцин — свой человек.

Гу Хуайцин вежливо улыбнулся Фан Цзя и попытался высвободить рукав, но тот продолжал держаться за него, без умолку болтая:

— Я слышал, это вы раскрыли дело с принцессой Корё, в одиночку сразились с женщиной-пиратским вождём, задержали посланника из Дуньина Сянъе Сюнфэя, разгадали козни корейцев, подставивших невиновных, и устроили ловушку, куда преступник сам попался! Это так здорово! Не думал, что вы такой молодой и к тому же такой красивый... Ах, я вами просто восхищаюсь!

Гу Хуайцин впервые сталкивался с юношей настолько... непосредственным. Он не проронил ни слова, а тот уже успел произнести целую тираду.

Гу Хуайцин с немым укором взглянул на Дуань Минчэня. Интересно, как у двоюродных братьев характеры могут быть настолько разными? Дуань Минчэнь — суровый и сдержанный, вечно хмурый и грозный, а его кузен — настолько бойкий и пылкий, что от него не спасешься.

Дуань Минчэнь, заметив неловкость Гу Хуайцина, подошёл и оттащил Фан Цзя в сторону, сказав с усмешкой:

— Не обращай внимания, брат. Мой двоюродный брат — настоящий сорванец, прирождённый болтун. Заставить его помолчать сложнее, чем не дать ему поесть.

Госпожа Фан Юнь тоже подтянула к себе сына, бросив ему предупреждающий взгляд, и смущённо извинилась перед Гу Хуайцином:

— Простите за бестактность, господин Гу.

Фан Цзя, спрятавшись за спиной матери, скорчил гримасу, но наконец прикусил язык, хотя его сияющие глаза по-прежнему не отрывались от Гу Хуайцина.

Хотя пылкость юноши и ошарашила Гу Хуайцина, антипатии тот у него не вызвал. Юноша был живым и простодушным, хоть и чересчур говорливым, но в целом симпатичным.

Гу Хуайцин улыбнулся и сказал:

— Ничего страшного. Рад познакомиться, юный господин Фан. Вы излучаете чистосердечие и естественность.

Госпожа Дуань добавила:

— Не суди моего племянника по внешности. Он с детства отличался умом, в четырнадцать лет уже получил степень сюэя. Перспективный юноша.

Фан Цзя самодовольно усмехнулся:

— Мой кузен стал военным чемпионом на императорских экзаменах, а я когда-нибудь вернусь литературным!

— Хвастовство, не ведающее ни неба, ни земли! Разве можно так самовосхваляться? — отчитала его госпожа Фан Юнь, но в глазах её читалась неподдельная гордость за сына.

Гу Хуайцину эта юношеская дерзость показалась забавной. — Прекрасные амбиции, юный господин. Желаю вам вскоре увидеть своё имя в золотых списках!

— Благодарю за добрые слова, господин Гу! — с улыбкой ответила госпожа Фан Юнь. Взглянув на степенного и зрелого Дуань Минчэня, на яшмово-прекрасного Гу Хуайцина, а затем на своего сорванца-сына, она невольно вздохнула.

— О чём вздыхаешь, сестра? — спросила госпожа Дуань.

— Вообще-то я привела Цзя сегодня, чтобы попрощаться, — госпожа Фан Юнь с нежностью посмотрела на сына. — Через год ему предстоит сдавать провинциальные экзамены. Его отец беспокоится, что домашние учителя недостаточно учёны, и через связи устроил его на учёбу в Академию Цзиньцзян. Завтра Цзя отправляется в путь.

— О? Сестра говорит о той академии, что на склоне Пика Письменной Кисти? — переспросил Дуань Минчэнь.

— Именно о ней.

Дуань Минчэнь кивнул:

— На весенних дворцовых экзаменах в этом году Второе и Третье места, назначенные лично Его Величеством, заняли выходцы из Академии Цзиньцзян. Если двоюродный брат сможет учиться там, это прекрасная возможность.

Гу Хуайцин также поддержал:

— Я слышал, Академия Цзиньцзян славится строгой дисциплиной и праведной учёной атмосферой. Преподаватели там — великие конфуцианские учёные, они уделяют внимание не только государственным наукам и нравственному воспитанию, но также преподают музыку, шахматы, каллиграфию, живопись, верховую езду и стрельбу из лука. Выпускники её — все как один добродетельны и талантливы, искусны как в гражданских, так и в военных делах. Сам император хвалил её как образец для всех академий. Однако, насколько я знаю, Академия Цзиньцзян ежегодно набирает очень мало студентов, требования к поступлению крайне строги, попасть туда непросто.

Госпожа Фан Юнь, изначально не желавшая отпускать сына в столь юном возрасте на учёбу вдаль от дома — жизнь в горах, несомненно, была бы аскетичной — но господин Фан настаивал на закалке сына, желая, чтобы тот поскорее вырос в настоящего мужа, и потому требовал отправить его учиться. Госпожа Фан Юнь вынуждена была согласиться. Услышав же теперь, что сам император хвалит Академию Цзиньцзян, на её лице появился отблеск гордости.

Она скромно улыбнулась:

— Цзя просто повезло. Мой супруг учился вместе с директором Академии Цзиньцзян. Директор лично порекомендовал Цзя академии, тот прошёл вступительные испытания, несколько преподавателей сочли его достойным воспитания, и его приняли.

Госпожа Дуань обрадовалась:

— Если сами преподаватели так говорят, значит, Цзя и вправду способный! Учиться в Академии Цзиньцзян — о чём многие могут лишь мечтать. Чего же ты, сестра, беспокоишься?

— Эх, я и рада, и волнуюсь, — призналась госпожа Фан Юнь. — Он ещё так молод, сам о себе позаботиться не умеет. Дома он никогда не знал лишений, а в той аскетичной академии... Сможет ли привыкнуть? — Она не сдержалась, и глаза её покраснели. «Сын уезжает за тысячу

ли — мать волнуется» — материнское сердце по всему свету одинаково.

Фан Цзя достал носовой платок, вытер матери слёзы и принялся утешать:

— Не волнуйся, матушка. Мне уже пятнадцать, я не ребёнок. Я о себе позабочусь. К тому же, от академии до столицы всего сотня с лишним ли, на лошади — полдня пути, туда-сюда легко съездить.

Госпожа Дуань тоже добавила несколько утешительных слов, и госпожа Фан Юнь наконец смахнула слёзы.

Госпожа Дуань обратилась к Дуань Минчэню:

— Завтра у тебя выходной. Как думаешь, может, проводишь двоюродного брата в Академию Цзиньцзян? Чтобы тётя была спокойна.

Госпожа Фан Юнь, услышав это, заколебалась. Хотя до академии было всего сто ли, женщине из знатной семьи путешествовать самой было неудобно, а здоровье господина Фана оставляло желать лучшего. Она как раз переживала, что некому сопровождать Фан Цзя. Дуань Минчэнь же, искусный в боевых искусствах, к тому же двоюродный брат, подходил для этой роли как нельзя лучше.

Она всё же промолвила из вежливости:

— Это... не слишком ли обременит Минчэня? У него же редко бывают выходные.

Дуань Минчэнь улыбнулся:

— Никаких хлопот. Мне всё равно нечем заняться. Проводить двоюродного брата в академию — всё равно что прогуляться, весну встретить.

Услышав слова «прогуляться, весну встретить», Гу Хуайцин вспомнил, как ему рассказывали о прекрасных пейзажах Пика Письменной Кисти. Стояла как раз подходящая для прогулок по горам весенняя пора, и в нём тоже проснулось желание путешествовать. — Я тоже поеду, — сказал он. — Сидеть дома всё равно скучно.

Дуань Минчэнь, разумеется, был только рад. Фан Цзя захлопал в ладоши:

— Чудесно, чудесно! Если с нами будет старший брат Гу, нам втроём точно не будет скучно в пути!

Гу Хуайцин почувствовал, как у него дёрнулась бровь. Всего несколько слов — и тот уже величает его «старшим братом». С таким болтуном в компании путь и вправду обещал быть... оживлённым.

<http://bllate.org/book/16283/1467014>